

ФАНТАСТИЧЕСКИЙ
БОЕВИК

АНДРЕЙ ДАЙ

АНДРЕЕВСКИЙ КРЕСТ

РОМАН

Москва, 2015
САРМАДА
&
«Издательство АЛФА-КНИГА»

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5
Д12

Серия основана в 1992 году
Выпуск 961

Художник
В. Федоров

Дай А. Ю.
Д12 Андреевский крест: Фантастический роман. — М.:
«Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2015. — 313 с.: ил. —
(Фантастический боевик).

ISBN 978-5-9922-2040-7

Не каждому в руки попадает удивительная штука портал, дверь в иной мир! Быть может, многие мечтают о таком, но однажды попал он в руки людей неоднозначных и непростых. Из тех, что сначала бьют, а потом фамилию спрашивают. В руки братков в отставке. В конце концов, такие же когда-то давно Сибирь для Московского царства завоевали. А вот что получится у нынешних — большой вопрос!

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5

ISBN 978-5-9922-2040-7

© Дай А. Ю., 2015
© Художественное оформление,
«Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2015

ПРОЛОГ

Почему мы ушли? Почему мы ушли... Сложный вопрос, внучек. Да и не могу я за всех и каждого ответить. Только за себя да, может, еще за братьев. И вот чего я скажу, ребятишки! Много было причин. Одним словом и не скажешь. Так что давайте-ка я расскажу вам, как мы уходили, а там и с другими вопросами определимся.

Рассаживайтесь поудобнее, печенье вот к себе ближе двигайте... Хомячьте, не парьтесь. Сказка моя длинная будет, на пустое пузо может и не в масть пойти. И эту... бандуру включите на запись. Я дважды баянить не стану, а вам историю эту еще своим детям с правнуками пересказывать. Пусть машина пишет, она железная...

Короче, пацаны! Реально место, где Подкова была зарыта, нашел Поц. Был у нас в бригаде такой персонаж. На лицо ужасный, хрен знает какой внутри. Я вот сейчас лоб морщу, пытаюсь вспомнить — видел Поца хоть раз без тельняшки? По ходу, и не видел ни разу. Лицо — как у коня морда. И таскал бы типец этот какое-нибудь конское погоняло, если бы не тельник полосатый. Болел человек водными просторами. И служил во Владике, и потом на даче какую-то лодку или яхту в сарае строил.

Мореман, короче, зафанатевший по гланды. Братва его по первой Боцманом нарекла, да только из коня боцман, как из навоза пуля. Так и стал он Поцманом. А после и вообще — Поцом.

Но нужно признать — водила он был от Бога. Из тех, кто машины с «автоматом» считают женскими тележками

для супермаркетов. На всех наших машинах всегда была механика. И все наши аппараты Поц чинил сам. Потому, наверное, и работали они всегда как швейцарские часы.

А еще мореман реально угорал по картам. Любым и всяким. От, блин, глобуса до схемы проезда на рекламном объявлении. Этого добра у бессменного водителя нашей боевой машины вымогателей было просто неисчислимое количество. Ценное, кстати, увлечение, я вам скажу. С таким шкипером не заблудишься!

Где он сейчас? Так спит он, внуки. На горе под крестом спит. Там же, где и остальные, кому не повезло, когда наш «Варяг» погиб. Пусть земля ему пухом...

Короче! Вот именно Поцман на руке алтайской принцессы портак и разглядел. Корявую такую, на рога лосиные похожую краказябру и малюсенький крестик рядом. И ведь сразу вкурил, чего это такое, прикиньте! Эти головастики, что мумию на Алтае из земли вырыли, — не догадались, а наш морячок — влет! Мы только из зала музея Института археологии и этнографии Сибирского отделения РАН в Академгородке, где принцессу показывали, вышли, а Поц мне и заявил:

— Слышь, Андрюха, хрень та, что у девки на руке наби-та, на карту похожа. Я дома гляну...

— А под крестом клад, — легко согласился и заржал тоже разглядевший изображения на запястье и пальцах экспоната Саня Коленок, третий и последний на тот момент член нашей бригады. — Ну а че, пацаны? Поедем, выкопаем, да и поколем по-божески. И свалим в Испанию на пляжу оттягиваться и мохито пить. По «мерину» каждому, а боцману еще и яхту, чтоб нас с девками катал!

Насчет «поколем» — немаловажный вопрос, кстати! Это только в песнях поется, что у братвы все пополам и душа для своих нараспашку. Реально-то дружба дружбой, а табачок врозь. Бабло — дело такое. Чуть где клювом прощелкал и как та гагара, вылетевшая поздно, пролетаешь мимо. Или ты в теме и участвуешь в разделе добытого, или нет, и ничто не заставит пацанов отделить и тебе долю ма-

лую. Раз пошел базар про золото-бриллианты — определиться с «поколом» не мешало бы «на берегу».

— Ты глянь, Миша, глянь, — разрешил я. — И не тяни слишком. Лавэ с синяковской хаты заберем и маханем в горы. За одно можно и в земле поковыряться.

Больше в тот день о карте на руке умершей две тысячи лет назад девахи не говорили. На выходе еще краснополянинских встретили, побазарили, обменялись новостями. Потом как-то дела закрутили. Гоняли по городу на стрелки. Возили воняющего перегаром и нестираными тряпками опустившегося пропойцу к нотариусу — честно обменную на водку квартиру оформляли. В сауне были пару раз и в ночном клубе. К шефу, когда-то давно, еще при Советах, бывшему нашему с Коленком тренеру по самбо, кажется, заезжали. Ну как все хулиганские команды, ничего особенного. Обычная жизнь средней руки вымогателей эпохи девяностых. Я уж и думать забыл о картинках на коже доисторической мумии, а Поц, как выяснилось, — нет.

Я чуть целлофановый пакет с деньгами не уронил. Ну прикиньте — сажусь в машину с баблом. Весь такой в предвкушении относительно справедливого раздела и последующих благ, на которые можно спустить легко пришедшее. А за рулем Поц с такой озабоченной рожей, что я аж озираться начал — не дай бог риелторы нас под маскишоу поставили! А то так они не в курсе, каким именно волшебным образом человек поменял трешку почти в центре на полуразвалившийся сарай в дальнем пригороде.

— Ну че, волки? Те, которые санитары леса, — задал я риторический вопрос своей дружине, пытаясь догадаться, чем же именно озадачился наш морячок. — Завезем шефу дань за двенадцать лет, а дальше? Куда двинем? Какие есть мысли, пожелания, предложения?

— Слышь, Андрюх, — даже как-то укоризненно покачал головой водила. — Ты ж говорил, клад поедем копать?! Карты готовы. Место нужное я нашел. Я и лопатки саперные в багажник кинул, и пару канистр под бензин...

— Га-га, — словно огромный кот, потянулся, хрустнув суставами, Коленок. — Моремана тянет к обещанной яхте! Хотя базар о кладе, в натуре, был. Если по понятиям, так надо ехать!

Не то чтоб я был против. Очень даже — за. Ловил себя на мысли, что в какие-то мифологические сокровища совсем не верю. А вот чего-то этакое, тысячелетнее, реально древнее, хотелось в руках подержать. Прикоснуться, блин, к Вечности. Черепок там какой или стрелы наконечник — мне и того хватило бы.

А вот непрерывные тыканья в эти «понятия» терпеть не могу. Хотя бы уже потому, что мы к блатным отношения имели параллельное и воровские законы исполнять обязаны не были. Да это и невозможно было. Не сотрудничать с властями? Это как? Покровитель нашего шефа занимал высокий пост в администрации области, а начальники родного для большинства из нас района не гнушались участвовать в праздничных мероприятиях ОПГ. Ну и мзду получали ежемесячно в конвертике.

Не давать показания? Будто бы их кто-то у нас спрашивал. Ментовские командиры в саунах от подданных братков такое слышали, что можно было сразу после парилки большую часть бойцов в кутузку сажать. И не важно, признал ты вину или уперся рогом. Только если следишь за языком и не болтаешь лишнего, то приедут из столицы матерые волшебники-адвокаты в голубом вертолете, блин, и популярно объяснят излишне ретивым легавым, в чем именно состоит их ошибка.

Не иметь собственности и семьи? Ха-ха три раза. Вы виллу нашего шефа видели? С сыновьями его знакомы? И периодически садиться в места не столь отдаленные — это удел лохов. Деловые люди не сидят! Не брать оружие? Вы это краснополянинским скажите! Авось арсеналы свои добровольно в участок отнесут. А мы их на следующий же день...

Остальные «понятия» не лучше. Читть родителей если только. Так это и без подсказки от черной масти понятно.

А остальное все — блажь и фантастика. Воровская романтика и сказки для развесившей уши сопливой шпаны из подворотен городских окраин. Только я тогда четверть века уже разменял. Считал себя опытным и мудрым и шакальим песенкам не верил.

А вот Санька прибило. Его старший брат Николай служил морпехом на Балтике, ну и после в Питере остался. Страна только-только выползала из перестройки, армия еще что-то из себя представляла, и салаг учили воевать на совесть. Потому Коля отлично умел сворачивать людям шеи, а трудиться на заводе совершенно не хотел. И даже не потому, что не умел — и это тоже, — но большей частью потому, что действующих на тот момент заводов в стране и оставалось-то с десяток.

Жить как-то надо. Кто-то может торговать и барышничать, кто-то нет. Вот и старший нашего Санька не смог. И встал тут перед ним в полный рост простой и понятный выбор — в менты пойти или в бандиты. На жалкую зарплату с официальным правом ношения оружия или к лихим деньгам, казино и девочкам?

Ну, фильмы о счастливой западной жизни мы все смотрели. Ждать, пока в стране сам собой образуется развитой капитализм, сил не было, так что выбор Николаю оставался очевидный. И сразу в карманах зашелестели вечнозеленые бумажки. Тачки, клубы, сауны, кабаки. Питер какая-никакая, а столица. Деньги там другие. Больше там бабла. Коля наш с братиком изредка карманными делился, машины дарил, те, что из моды вышли. А для нашей Сибири это выглядело... Потрясающе это выглядело, что уж там. Завидовала братва нашему Саньку. Черной завистью завидовала. А чтоб парниша не зазнавался, нарекли Сашку Коленком. Мол, до Коли — старшего брата и уважаемого хулигана из Северной столицы — недотягивает. Младший Коля, короче...

Надо объяснять, откуда у моего Санька появилось это увлечение воровскими понятиями? И так понятно? Ну и слава богу. В общем, поморщился я при очередном упоми-

нании из области мифологической юриспруденции да и объявил, что на следующее утро назначаю выезд на юг. На Алтай.

Как выяснилось — зря. Конец мая не самое подходящее время для путешествий по малообжитым местам. Это потом, двадцать лет спустя, вдоль Чуйского тракта стройными рядами выросли кемпинги, кафе, магазины и дома отдыха, а под каждым деревом — лошади или квадроциклы напрокат. Тогда же, в середине девяностых, сразу после либерализации и накануне дефолта, вся местность к югу от Бийска представляла собой одно унылое, забытое богом место. Серая дорога с потрескавшимся от старости асфальтом, печальные, укутанные в пыль домишки. Низкое, давящее на мозги небо. Свиньи в лужах, пьяные алтайцы и алтайки, скелеты сельхозтехники в бурьяне. И горы с угрюмо надвинутыми папахами облаков. Апокалипсис на фоне величественных, презрительно вздернувших носы к небу громад.

Мишаня, как всегда, за рулем, а Санек проплывающими мимо пейзажами не парился. Выдвинулись рано утром, и Коленок сразу уснул. Продрал глаза, мерзавец, в Барнауле на минутку, прохрипел что-то вроде: «Водки с пивасиком тут надо брать, дальше одна паленка», — и снова пропал для честной компании. Я даже позавидовал. Сам-то спать в пути не могу. Ни в самолете, ни в машине. На полке в вагоне поезда — еще худо-бедно, и то ворочаюсь и кемарю чутко. Вполглаза.

А ехать нужно было долго. Пятьсот верст только до поворота на Чемал. И потом еще восемьдесят по грунтовке до чудного железного моста через Катунь. Дальше на картах Поца дороги указаны не были. Санек еще дома хохмил, что, дескать, для русских дорога — это вся поверхность Земли, где нет воды и деревьев, но, что нас там может ждать, мы с мореманом даже не обсуждали. Мишка, хоть и выглядел как конь в штанах, был достаточно сообразительным парнем, чтоб понимать — если хоть какой-нибудь колеи не найдем, раскопки отменяются. Не идти

же пешком еще пять верст вдоль реки до нужного места! С лопатами, мамиными пирожками, запасами спиртного и палаткой.

Гоняли мы тогда на «Чероке». Забавном таком американском джипике, подаренном Коленку его питерским братом. Это, конечно, не «Гранд», способный, по мнению Поца, завезти нашу бравую археологическую экспедицию вообще куда угодно, но все же внушал определенные надежды.

В деревушке с забавным названием Еланда залили в канистры воду и растревожили чью-то поленницу. Таскаться по кустам в поисках сушняка каждый из благородных гангстеров посчитал чем-то ниже своего достоинства. А вот сунуть пару раз в зубы вяло возражавшему туземцу — хозяину дров — с превеликим удовольствием. Потом у этого же самого терпилы за бутылку пива купили трехлитровую банку соленых огурцов. В умении мариновать мясо на достаточный съедобный шашлык никто из нас уличен не был, потому в Барнауле просто купили еще и несколько пачек сосисок. Жаренные на костре, они тоже очень даже ничего.

Мост висит над ревушей, словно дикий зверь, пойманный в клетку скал, Катунью. Ярость горной реки столь сильна, что над черными камнями постоянно стоит леденящее облако пронзительно холодных брызг. Стальная скользкая колея моста тоже слегка подрагивает. Поц даже вышел посмотреть на переправу. Уже сам по себе примечательный факт. Обычно наш Шумахер такими пустяками не заморачивался.

На счастье, колея вдоль реки все-таки была. Бодрая такая, блестящая окатанной галькой, с целыми плантациями медунков по краям. Ничего невозможного для скромных возможностей нашего «чирка». Десятью минутами позже Поцман притормозил и, пригнувшись к рулю, уставился куда-то вправо, за Катунь.

— Там речка Чеба, — наконец открыл этот буратино свою страшную тайну. — Мы ее переезжали.

— Ахренеть, — вскинулся Санек. — Все в шоке! Ты, Поц, прикалываешься, что ли? У нас водка остывает, а ты, блин, достопримечательности решил показать?

— Там речка, — меланхолично выгашив карту и развернув ее у меня на коленях, словно вообще не слышал вопли Коленка с заднего сиденья, спокойно продолжил наш Сусанин. — Значит, нам нужно сюда.

— Далеко от воды, — поморщился я. — И дороги туда нет.

— На хрена тебе вода? — делано удивился обиженный невниманием хулиган с заднего дивана. — У нас пива полно, и сок тоже взяли.

— Морду лица сполоснуть хотя бы, — пояснил я. С Коленком иначе нельзя. Он у нас самый молодой. Брякнешь чего-нибудь, что может быть воспринято как скрытое оскорбление, он огнем вспыхивает, бультерьером кидается. А бить своих нехорошо. Поэтому я лично предпочитал в скользких случаях объяснять младшему бандиту все неясности и непонятности.

— Андрюх, — вдруг не слишком уверенно попросил Миша. — Глянь, че там? Я там проеду?

— Мишаня, ты заболел? — забеспокоился Санек.

— Сыро, — пожал плечами мореман. — Камни мокрые, а нам вверх надо. Начнем катиться — хрен остановишь. Хочешь так сдохнуть, Санек?

— Ну тебя, — перекрестился бугай. — Я лучше с Андрюхой пойду.

Вышли. И сразу почувствовали висящую в воздухе влагу. Не дождь, не туман, а что-то менее плотное. Сырость. Коротенькая еще весенняя трава в серых жемчужинах капель. Темные, тускло блестящие камни. И запахи. Пряный хвойный, смешанный с бьющей в нос вонью сырой земли. И еще — сладковатый оттенок каких-то розовеньких цветов и свежих, только-только распутившихся листьев на кустах.

— Курорт, блин, — прорычал Санек. — Мать его...

Кого именно мать, мой боевой товарищ не уточнил. Вполне могло оказаться, что и Алтая. Или, как вариант, нашего водилы, чья наблюдательность привела полный состав бригады в это неуютное место.

«Чирок» медленно, иногда взрыкивая мотором, полз следом. Пока никаких особенных препятствий для относительно высокого «проходимца» на пути не попадалось. Шли, нет-нет да передергивая плечами от лезущей за шиворот промозглой сырости. К счастью — недолго.

— Все, — крикнул Поц, приоткрыв стекло. — Можно и тут встать. Крест вон там.

Минуту спустя мореман, заглушив двигатель и подложив под скаты пару солидных валунов, присоединился к нам. Конечно же с картой в руках.

— Вверх, — махнул он рукой и оскалил крупные, натурально конские зубы. — Тут близко должно быть.

— Смотри, моряк, — криво ухмыльнулся Коленок и закурил. — Никто тебя за язык не тянул.

— Зуб на, — не понял шутки Поц. — Если древняя баба че-каво и зарыла, так это должно быть здесь. Карты не врут.

— По пивасику? — вдруг ни с того ни с сего возбудился Саня. — А, Андрюх? Раз приехали?

— Холодно, — который уже раз дернул я плечами.

— Тогда водочки? — пуще прежнего обрадовался тот. — По писят?!

— Можно, — качнул мордой конь.

— Соображай, — разрешил я. Мне и самому, так сказать, «на сухую» по здешним «достопримечательностям» лазать не улыбалось. Ну и надежда была, что старое народное средство уймет наконец давящее на душу предчувствие, что зря мы сюда заявили.

Вот что в «чирке» мне нравилось — его ровный и плоский капот. Настолько мало покатый, что пластиковые стаканчики и вскрытая банка с огурцами и не думали укатываться. Рядом хватило места и наломанному кусками

хлебу, и пакету с сосисками — их много, должно было хватить и на жарку.

— Давай тост, Ганс. — Ладонь у Поца огромная. Маленький стаканчик скрылся в ней целиком. Мореман вообще редко называл меня по кликухе. Только когда сильно волновался.

— Ну, — поднял и я емкость со святой жидкостью, — чтоб у нас все было и нам за это ничего не было!

— Гы-гы, — плюнув от возбуждения крошками, заржал Санек. — В тему задвинул!

— Слышь, командир, — вернув пластик на капот джипа и хрустнув огурцом, поинтересовался Поц. — А если мы клад выроем, типа государство может его у нас отобрать? Типа там двадцать пять процентов нам, остальное типа стране?!

— Сколько у государства ни воруи — своего все равно не вернешь, — отвлекся на минутку от подсчета «бульков» взявшийся разливать по второй Коленок. И снова чужими словами. Я его с детсадовских времен знаю. Сам бы он до такой глубокой мысли ни за что бы не догадался.

— Типа государство — это кто? — коварно осведомился я.

— Ну, типа менты. Или эти... чиновники.

— А они — кто?

— Легавые и попрошайки, — выдал свою версию как-то подозрительно быстро захмелевший Санек.

— Хрен, — хмыкнул я. — Они — это народ. У нас в конституции так писано. Типа государство — это народ. Это, Поц, че выходит? Выходит, будто это типа народ у нас станет клад отбирать?

— Народу в дыню, — прорычал Коленок. — Загрызу!

— Базаров нет, — расслабился Поцман.

— Ну, прими, Господи, за лекарство, — выдохнул я, поднимая стакан. — Пьем и идем искать место.

Запасной тары набрать не догадались — стаканчиков было всего три, и пришлось позаботиться об их сохранности. Продукты просто прикрыли пакетами и бросили на

капоте, а пластик и на всякий случай открытую бутылку водки убрали в салон.

Пока мы с Саньком хозяйничали, Миха добывал из багажника лопатки. Это его «царство». Туда к нему лучше не лезть. Там какие-то свертки с коробками. Все в полном порядке, ничего ниоткуда не торчит, не бряцает и не пачкается. Второе запасное колесо и то отдельно упаковано в специально сшитый брезентовый чехол. А пара бейсбольных бит и ментовский «демократизатор» ждут своего часа в карманах на тыльной стороне задних сидений. Вот и саперные лопатки — три штуки, по числу «археологов» — в выделенной для них китайской сумке с «абибасом».

Такого добра у Поца в гараже хватает. Мы однажды вместе с краснополянинскими на пригородном полустанке поезд Москва — Пекин данью обложили. Прибарахлились знатно. А Поцу вот еще сумки приглянулись. Импортные челноки не возражали. Да и куда им. Это в кино они мастера кунг-фу. А у нас — просто маленькие, полтора метра в прыжке, желтолицые человечки, по преступному упущению не делившиеся раньше с братвой барышами.

Светлое пятно в заметно посветлевших тучах склонилось к западным хребтам. Подул ветер, унося с собой висевшую прежде над террасой речной долины растворенную в воздухе влагу. Эти ли природные игры или сто грамм сорокоградусной в желудке, только хандра моя куда-то отступила. Мокрые камни, так и норовившие вывернуться из-под подошвы, и сырая трава, мигом промочившая низ джинсов, перестали раздражать.

Да и вообще, время хоть и клонилось к вечеру, стало как-то светлее. Не так беспросветно. Оказалось, что горные склоны вокруг чуть не сплошь были покрыты розовым налетом цветущих кустов. А когда ветер раздвинул в стороны зацепившиеся за скалы лохматые облачка, вдруг такие просторы открылись — дух захватывало. Наш, получается, левый берег Катуня был существенно выше правого. Стали видны уступы террас — древних берегов бесчисленное количество раз менявшей русло реки.

А то место, куда привел нас наш Сусанин в тельняшке, хоть и маскировалось под один из доисторических берегов, наверняка им не являлось. Чудно даже, как так вышло, что этим настолько примечательным местом до сих пор не заинтересовались ученые?

На тот момент я, кроме средней школы и армии, никаким образованием похвастать не мог, но все-таки сумел сообразить, что скал, обвалившихся настолько ровно — идеально четким полукругом, в природе не бывает. Да и если гора обвалилась, куда делись обломки? Но и в то, что это образование метров пятьдесят радиусом и не меньше двадцати метров в высоту было создано две тысячи лет назад руками людей, как-то не верилось.

— Глянь, Андрюха, — сказал Коленок, успевший, пока я разглядывал окрестности, пробежать до самой каменной стены, в укромное, укрытое от реки и грунтовки кустами место. — Тут мужик под зонтиком.

— Че? — не сразу понял я.

— Наскальные рисунки, — авторитетно заявил Поц. — Олени какие-то и человечки. А этот, в центре, самый здоровый и под куполом.

— Так а я о чем базарю?! — вспыхнул Санек. — В натуре тут аборигены царя какого-то хоронили.

— Осталось отгадать, где тут, — выговорил я, прикасаясь кончиками пальцев к выбитым на отвесной скале картинкам. Если бы не вода, не влага, пропитавшая все вокруг, едва-едва заметные изображения были бы надежно скрыты от любопытных глаз одинаково светло-серым камнем.

— По ходу тут, пацаны, — подпрыгивая на месте от возбуждения, определил Поц. — Тут шишка какая-то, и камни выложены... Типа Андреевским крестом. Как на лапе у древней бабы.

— В натуре, — обрадовался Санек. — Тут тебе, Поц, древние мореманы привет зарыли. Якорь, блин, в полный рост, к твоему фрегату.

— В хозяйстве сгодится, — пробурчал наш механик-водитель и с силой попытался вонзить лопатку в самый

верх совсем чуть-чуть, сантиметров на двадцать, возвышающегося над площадкой бугра. Только сталь взвизгнула, вспыхнула пара искр, и на этом раскопки застопорились. Под тонким слоем дерна и песка обнаружилась броня из хорошо подогнанных один к другому плоских каменюг. Снова и снова мы искали свободное место на поверхности шишки и снова и снова натыкались на увеличенные раз в десять, блин, «тротуарные» плиты.

— Не, здесь лом нужен! Иначе их, бляха от ремня, не вывернуть!

Признаюсь честно! Когда снизу, со стороны реки, раздался незнакомый голос с характерным южным акцентом, я даже присел от удивления. Наверное, ментовский «бобик» с мигалками не смог бы поразить меня в тот момент больше, чем самый обычный, одетый в вылинявшую солдатскую полевую форму парень, боком сидящий на лошади. Или загорелый до полунегра, или просто — коренной алтаец.

— Ты кто, блин? Индеец? — первым очнувшись от наваждения, спросил Коленок. Недобро так спросил. Нехорошо. Зная нашего Санька, я на месте туземца уже приближался бы к китайской границе.

— Так это, — растопырил кругленькие на круглом же улыбчивом лице глаза всадник. — Знамо кто. Я это, Васька я, бляха от ремня. Еландинский, стало быть, пастух обчественный. Стадо тута, стало быть, бляха от ремня, рядом, в трех верстах. Ну и я с им. И добавил с явной надеждой в голосе: — Башка трещит с похмелюги, бляха от ремня. Мож это? Мож есть че? Лекарственное? Вы ж эта. Туристами будете? Туристы всегда помогают...

— Я те ща полечу, — бросив жалобно звякнувшую лопатку, шагнул к приبلудному ковбою Санек. Благо успел поймать бойца за рукав. — Анальгину пропишу...

— Лом найдешь? Полечим, — предложил я и тут же шепнул рвущемуся в бой соратнику: — Не пугай работника. Самим, что ли, плиты ковырять?

— Так это, — обрадовался индеец. — Имеется железяка-то. В зимовье, бляха от ремня. Только это. Мож на машинке на вашей подскочим? Все же три версты...

— Тебе ускорение придать? — прорычал Санек. — Могу помочь.

— Да я это... Еду уже, еду.

И правда. Васька из Еланды ловко перекинул ногу через голову смиренного своего конька, выкрикнул что-то явно матерное, но воспринятое животным за команду к началу движения и вскоре исчез за кустами.

— Класс, Андрюха, — аккуратно подобрав брошенные лопаты, одобрил мое решение хозяйственный Поц. — Я уж думал, придется бросить раскопки.

— Не бойсь, — оскалился Коленок. — Отроем твой якорь, морячок. Темнеет только вот. Пошли, что ли, братва, костер зажжем да накатим помаленьку. По писят.

Нам с Михой оставалось только согласиться. Это было самое разумное. Не знаю, как наш механик-водитель, а я в успех нашей археологии уже совершенно не верил.

Ездил ковбой долго. Мы и палатку поставить успели, и сосиски пожарить, и выпить три раза, прежде чем послышалось цоканье подков по камням. Возникший вдруг в круге света от костра Васька с длинной железной палкой в руке показался мне каким-то другим. Суровым краснолицым воином из Чингисхановой орды. Настоящим хозяином этих богом забытых мест. Надменным и невероятно опасным. Я даже оглянулся на угадывающийся во тьме силуэт джипа, где спало верное оружие идейного вымогателя. Это я биты бейсбольные имею в виду, если кто не догадался.

— Насилу сыскал, — улыбнулся туземец, спрыгивая с лошади, и в один миг стал прежним жаждущим халявной выпивки бесхитростным аборигеном. — Каменюги-то вам для каких целей понадобились? Вона уж, как встали. И еды скока...

— Че еда, — хмыкнул Санек. — Видишь, я ем? И ты садись рядом, закуривай...

Я снова поморщился. Потому что уже знал, что Коленок выдаст следующей фразой. Что-нибудь вроде: «По понятиям, в питье и куреве отказывать нельзя». И не ошибся. Как не ошибся и в предположении, что у Васьки найдется тара под водку. Обычная эмалированная кружка с обмотанной кожаной лентой ручкой и черными полосами многолетних отложений чайной заварки внутри.

— Ну, за ударный труд, — провозгласил я очередной тост. — У нас, Вася, в конституции написано — каждый, мол, имеет право на труд!

— И право на отдых, — заржал Коленок, подливая пастуху водки в кружку. — Ты пей, Вася, пей. Лечи башку.

Дальний путь, скудная еда или много спиртного — сейчас уже и не скажешь. Только дальше все происходило словно как не со мной. Будто бы я смотрел на эту комедию сквозь толстое и не совсем прозрачное аквариумное стекло, а говорил и действовал вовсе кто-то другой. Не я.

И раньше доводилось слышать, что водка как-то по-особенному влияет на азиатов. Но видел такое впервые. Сколько там наш индеец выпил? Грамм двести? Вряд ли больше. А эффект получился такой, будто литровый флакон из горла выхлебал. Речь как-то в один миг стала несвязной, движения ломаными. На простые вопросы гость стал бубнить что-то непонятное и все пытался завалиться на бок и уснуть. Косил, короче, от работы, сволочь!

Да не тут-то было! Санек наш от груди триста кил легкого жал, что ему худенький алтаец?! Вася был взят за шиворот, поставлен на ноги и пинком ноги отправлен ковырять непокорную броню, скрывающую от нас тайну древней бабы.

Подвел лом, на деле оказавшийся всего-навсего обрезком ржавой водопроводной трубы в три четверти дюйма с расплюснутым концом. Васька честно засунул инструмент в щель между камнями и навалился всем телом. Санек даже помочь не успел, хотя — я видел — уже даже шагнул, когда труба согнулась, и пастух кубарем покотился с каменной шишки. И проявил, блин, признаки жизни,

только когда сердобольный Миха поднес к губам кружку с водкой.

Потом мы, кажется, еще пробовали кататься на боевом скауне нашего Чингачгука, и что-то там с освоением нового вида транспорта пошло не так. Потому как за что-то же Коленок бил Ваську?! Не за просто же так! Тем более что ни я, ни Поц спасти индейца не спешили. Значит, были согласны с причинно-следственными связями.

Утром грезы о том, что вся наша археологическая экспедиция и ночная попойка всего лишь дурацкий сон, развеялись как дым. Лучше бы развеялась сволочная туча, плотно прилипшая брюхом прямо к проклятой каменной шишке, соприкосновения с которой даже ломы не выдерживали.

Было плохо. И пива почему-то уцелела только одна бутылка. О водке только и оставалось что вспоминать. Еще и сыро. Настолько, что стоило пошевелиться, как за шиворот текли струйки воды.

— Валить отсюда надо, — прохрипел Санек. — Сдохнем мы тут с этим кладом... Туземец — падла. Все пиво украл.

Героический человек мой соратник. Я не то что говорить, мозгом шевелить не мог. О поездке по местным ухабам думал только как об изошренной пытке...

Дальше неинтересно. Провалились до обеда в насквозь мокрой палатке — от висящих прямо в воздухе капель ткань не спасала — и потихоньку, под голодное завывание желудков, покатались в Еланду. А там и домой. И всю дорогу мы ни одним словом не вспомнили о неудачной экспедиции.

Глава 1

ВОЗВРАЩЕНИЕ К АНДРЕЕВСКОМУ КРЕСТУ

Прошло двадцать лет, прежде чем я вернулся к непокорному каменному саркофагу.

Много чего произошло за это время. И с нами, и со страной. Все менялось. К власти пришел другой президент, и нам, профессиональным вымогателям, стало неудобно. Краснополянинские прочухали тему первыми и принялись тем или иным способом вкладывать деньги. В торговые сети, спортклубы и заводы. Мы, украинские, момент упустили. И не в малой мере по вине не вовремя увлекшегося наркотиками шефа. На какие-то полгода-год бывший тренер выпал из жизни, а группировка едва не развалилась. Слишком много оказалось завязано на личные связи и договоренности лидера.

Кто-то вроде Совы, смотрящего за крупнейшим в городе овощным рынком, стал потихоньку стягивать кусок одеяла на себя. Другие, вроде моего Коленка, потянулись под крыло блатных.

Отгремело две войны за городские казино и игорные клубы. А потом дядьки в Москве взяли и разом навели мир и порядок — повсеместно запретили азартные игры. Ну, кроме специальных зон, конечно. Только где они, эти зоны. Рядом с нашим городом им места не нашлось. А в других местах свои толпы голодных пацанов имелись.

Потом сначала один-два, а дальше и все сразу коммерсанты и барыги отказались платить дань. Бояться перестали. «Маски-шоу» стали приезжать вперед «скорой», только позвони. Госбезопасность восстала из пепла, а с ней,

прицепом, и милиция. Все-таки у нас не столица, раствориться во тьме, спрятаться от пристального внимания органов не получится. Силовые акции против борзых барыги стали караться быстро и пугающе эффективно. Наше влияние еще сохранялось в тех видах относительно честного зарабатывания денег, которые и так были на грани дозволенного. Валютные спекуляции, рабочая сила из Средней Азии, торговля оружием и «конструкторами» — собранными из запчастей «в гаражах» импортными машинами.

Требовалось что-то серьезное и постоянное. Бригады, как акулы, рванули по закоулкам. Никому прежде не нужные автобазы, строительные тресты и малюсенькие заводики меняли хозяев. На пустырях как грибы после дождя выросли ангары огромных гипермаркетов.

Мы с Михой и Саней сначала ринулись в шоу-бизнес. В смысле — решили клуб ночной построить. Типа чтоб вечером там шансон живую играли, а ночью — танцы-шманцы-обжиманцы.

Думаете, просто? Не имея за душой ни копейки денег?! Только связи, кое-какую известность в узких кругах и огромное желание. Ведь что такое ночной клуб? Ну, это вроде таверны, что работает только с вечера до утра и куда люди ходят водку пить и танцевать. Деньги? Ну, да. Первое время, пока заведений таких в городе мало было — едва ли больше десятка, — так и деньги. Бывало, поначалу в удачную ночь и по паре штук баксов с кассы снимали. Потом стало похуже...

Но деньги не главное. И девчонки, охотно крутящие попками на танцполе, — тоже. К моменту, как клуб наш...

Как назвали? Гы, так это брат мой, Егор, подсказал. Да-да, вон тех бесенят с зелеными глазами родной дед. Мы-то с братвой себе головы поломали, что бы это такое выдумать, чего бы на вывеске намалевать, чтоб сразу понимали — здесь отдыхают уважаемые бандиты и вымогатели. Кучу слов перебрали, а братан пожал плечами, да и выдал: «Тортуга». Был, мол, такой остров в теплых морях, на ко-

тором морские разбойники добычу сбыть могли и корабли починить... Да это вы и сами знаете.

Так вот. К тому моменту как «Тортуга» в первый раз открыла двери перед посетителями, мы такого натворили, что меня убить пытались пару раз. Гранату в нас кидали и из обрезка стреляли. Кусок свинца мне прямо под левую ключицу вошел. Едва-едва легкое не зацепил. Я выстрел помню, а потом — тьма. Очнулся уже в больничке. Глаза открываю, а надо мной ангел склонился. Так вот я со своей Наташкой познакомился.

А пока здание клуба строили, среди строителей знакомства завел. Оказалось, всем нужна дешевая и покорная рабочая сила. У нас же, на нашем овощном рынке, силы этой было сколько угодно. Мы с бывшим соседом моим — я в третьем подъезде с родителями жил, он в пятом, — со смотрящим Олегом Саввой, бригады формировали и по площадкам развозили. Потом я кому надо сигналил, чтоб именно эти стройки под облавы миграционной службы не попали. За мзду, конечно. Менты тоже любят покушать и на хороших тачках ездить.

Как клуб заработал, стали мы в нашем криминальном мире известными людьми. Поднялись, так сказать, над остальными. У шефа, бывшего тренера дяди Вовы, таких, как наша, бригад десятка три точно было, а клуб только у нас. Понты, внучки. Все в среде хулиганов держалось на понтах. Билет в заведение совсем недорого стоил, но войти бесплатно — это статус, это известность и уважение. Это понты! А от кого зависело, пускать или нет? От нас!

Вот пришел этакий крутой пацанчик с кофдой своей, с девками, а ему суровый бык на входе рычит, типа касса там. У пацанчика деньги из всех карманов лезут, он может и заплатить, но ведь его уважать меньше станут, если он в очередь с другими страждущими зрелищ встанет. Потому он зовет меня или Коленка и в виде одолжения просится. Потом, спустя какое-то время, я с него ответную услугу попрошу. И отказать не посмеет. Так-то вот.

Сашку такая известность нравилась. Он молодых шакалов по кварталам насобирав и дрессировал. А мне после двух месяцев в больничке шоу-бизнес этот поперек горла встал. Я парнишку управляющим поставил. Костю Маера. Да-да, дядю Костю. Он немец, у него порядок в крови. Но душой-то — русский! Он было в свою Дойчляндию жить переехал. Год там прокантовался и вернулся. «Не могу, — говорит. — Скучно, аж зубы ломит. Приторно там и не по-человечьи». В гости приходят, бутылку шнапса приносят. Домой идут — остатки спиртного с собой уносят...

Костя в клубе рулил, а я к строителям все больше прикипал. В строительном управлении одним даже начальником по общим вопросам заделался. Таджиков выпасал, короче. Так-то это давно уже была частная контора — директор Олег Федорович с главным инженером Андреем Палычем в свое время подсуетились, приватизировали. А название старое осталось. «СУ-300», бляха от ремня!

Раз, в светлый для каждого строителя праздник, во второе воскресенье августа, Федорыч с Палычем меня в оборот взяли. Уговаривать стали учиться. В институт строительный поступить. Директор уже не молодой был, за шестьдесят. Говорил, мол, помру, кому все достанется? Дочка его давно замужем, в столице обитает. Внукам только бабло от деда надо. Помрет, мигом долю его в фирме продадут, заморачиваться не будут. А они, мол, с Палычем кровью и потом через разруху перестройки проползли, дело развивали. Тогда вот смену свою во мне разглядели...

Я подумал, с Натой посоветовался и пошел на заочное поступать. Санек чуть со смеху не умер, так смеялся, когда узнал. Я и сам бы его поддержал, если бы мне годом раньше кто сказал, что я в студенты заделаюсь...

Но выучился. Честно учился, кстати. Разбирался, по ночам сидел, книжки читал и формулы запоминал. Контрольные делал и курсовики. С чертежами у меня только ничего не получалось. Терпения не хватало. Но и тут решил. Козленок один высоколобый к девкам в общаге подкатился. Вымогал, сученок, близость. Отчислить грозился.

Я младших к нему поговорить отправил. Так он даже сначала верить не хотел, что нашелся кто-то за девчонок вступить. В общем, козленок отправился на больничный, а я — нарисованный благодарными студентками проект преподам сдавать.

Как диплом получил, стал Федорыч меня везде с собой таскать. Дела передавать. У нас не столица, у нас весь бизнес на личных связях построен. На взаимных одолжениях и отношениях. Это я и без старого строителя знал, так что кое в чем сумел-таки его удивить. Как наш дядя Вова с иглы снялся и братва сеть гипермаркетов затеяла строить, наше СУ подряд и получило. А кто еще? Один я такой у шефа нашелся, фишку вовремя прочуявший.

Одно за другое. Майер рулил в клубе, я учился строить, а Миха, как приклеенный, всюду со мной. И всегда за баранкой. Коленок только неприкаянным болтался. То к блатным его несло, то еще куда. Как его брата старшего в Питере застрелили, мы, считай, последний раз всей бандой сработали. Съездили, нашли, кто чего и за что, и падлу привалили. Каждый по пуле выпустил, и ствол вместе с трупом в Финский залив скинули. И раньше, с детства вместе держались, а после той командировки еще и кровью повязались.

Я Санька в службу безопасности фирмы пристроил, но тот уже без куражей жить не мог. Легкие деньги, легкая жизнь. Стрелки, разборки, наезды. Дядя Вова Коленка моего за бультерьера какое-то время держал. Не удивлюсь, если, кроме того гада, что рыбам на корм пошел, на Саньке и еще кто был.

Помер Федорыч уже в новом веке. А полгода спустя и Палыч за старым другом ушел. И оба оставили мне свои доли в фирме. И такое бывает. Чужой я им вроде был, ни фига не родственник, а приняли меня старые волки, наследником хозяйства назначили.

Надо сказать, вовремя я от бандитской темы отвалился. Ну не то чтоб совсем. Скорее так — слегка в сторону отъехал. Дань дяде Вова иногда все-таки завозил. Под его, ше-

фа, имя мне такие госзаказы отхватывать удавалось, что конкуренты только зубами скрипели. Ко времени кризиса я уже целыми микрорайонами строил. Миллиарды через мои счета проползали.

Не то чтоб прям олигархом был. Слухи о том, что прибыли со строительства почти как с героина, сильно преувеличены. Люди думают, будто бы раз квартира стоит, допустим, десять миллионов, так их-то хозяин фирмы в карман и положит. Как бы не так. А стройматериалы? А зарплаты? А техника? А чиновнички наши, крохоборы? Четверть цены вчистую на откаты и дележ уходит.

Но худо-бедно ковырялся. Яхты стометровые не покупал, но жили мы с Натахой и сыном Никитой в коттедже среди сосен, а ездил на «гелене». Нравилась мне его суровая простота. Танк! Уазик в пределе своей эволюции.

А вот у пацанов, тех, кто в хулиганах остался, дела все хуже шли. Особенно после того, как высоких покровителей дяди Вовы за коррупцию посадили. Менты пуганные стали. Бандитам помогать не торопились. Они, полицейские начальники, теперь сами фирмы крышевали и в подачках от братвы нуждаться перестали.

Стали видных ударников криминального труда на собеседования таскать к следователям. В делах давно прошедших дней копать. Из архивов все наши прегрешения выкопали. Неуютно сделалось пацанам в городе, и деваться некуда. Миллионов никто не скопил, чтоб по заграницам от глупых вопросов прятаться.

А потом как-то вдруг все кончилось. Ходили слухи, что дяде Вове нашему место показали, в загон определили. Типа здесь твое, а сюда не лезь, занято. Еще была у меня такая мысль: вполне может быть, что получил наш шеф «привет» от давнишнего своего соперника и врага — лидера краснополянинских, корейца Кима.

Тренер наш в новую власть не верил. Говорил, мол, чтоб порядок в России навести, стальным нужно быть, титановым. Так кулак сжать, чтоб у наших людишек спины захрустели.

— Царь вот плевать хотел на мнение всяких там, — разглагольствовал дядя Вова. — Сказал — будет вот так, и все побежали исполнять. А кто против, того плаха ждет с нетерпением. Или красные, Сталин там или Троцкий. Суровые ребята. Пинками народишко в светлое будущее загоняли. А тем, кто упирался или поперек базарил, — лоб в зеленку. А этот чего? Голова в телевизоре... Все за бабло... Хрен знает, чего хочет и как к этому всех вести собирается.

Так и получилось, что новую тему дядя Вова не вкурил. Ждал все чего-то. Надеялся, что все вернется и вновь полетят по городу тонированные «бэхи» с бригадами наводить порядок среди коммерсов по совести и понятиям.

А Ким — тот другой. Пацаны его в бизнес рванули, а он сам с ближниками — в политику. Дохлых кур бабкам раздали, бабло кому надо подвезли — типа пожертвование на выборы, и краснополянинский в Госдуме очутился. И в облсовете его люди, и в горсовете. И все в партии власти состоят — хрен их подцепишь. В лихие девяностые эти депутаты так куролесили, такие куражи откалывали, менты до сих пор вспоминают — крестятся. А теперь — власть, бляха от ремня! Наших, окраинных, по следакам таскали, а эти трудовой мозоль на брюхе по заседаниям отращивали.

Думается, мне, дяде Вова ну и хулиганам нашим лужок определили. Чтоб, блин, паслись спокойно и в серьезные дела рыло не совали. Какому пацанчику, привыкшему понтово жить, такое понравится? Пусть и денег в карманах не меньше прежнего, но одно дело — по крутизне своей иметь, и совсем другое — из выделенной кормушки. Барыги, что еврофантиками у обменников банкуют, и те бояться перестали. Чуть что, к ментам или депутатам под крыло перебегают. И наказать — не смей. Конкуренция. И совсем уж придавить шефа Киму мешал спорт. Об этом тоже в саунах пацаны шептались. У нас ведь Федерация дзюдо и самбо Сибири, а дядя Вова ее почетный президент. А кто главный дзюдоист страны? Вот то-то же!

Подробности своих переговоров «в верхах» шеф до нас не доводил, но и так ведь понятно. Тренера при одном

упоминании о Киме трясти начинало. И пошло-покатило из уха в ухо, побежал слушок, что будто бы даже за голову краснополянинского назначена награда. И будто бы даже аж целый миллион вечнозеленых американских рублей.

Коленок совсем неожиданно для всех в религию вдавился. Сначала по церквям зачастил, с попами долго общался и службу стоял. И вдруг пропал на несколько месяцев. Мы уж думать че попало начали, а он, как оказалось, в монастырь ушел. В области, в тихом месте. Мы с Поцем его туда навестить ездили, так этот... инок, или как там их называют, даже нам не обрадовался. Последний год перед уходом Санек и вовсе в скиту каком-то жил. Чуть ли не один в хрен знает какой глухомани. И, кроме нас с Михой, видеть никого не желал. Такой вот у человека путь к Богу оказался...

Это я к тому все говорю, что разошлись пути. Расползлись все, поговорить не с кем. В криминал я больше не лез и в чужие дела не вникал. Костю Майера к себе главным инженером перетащил — он тоже институт закончил, но он все-таки... С ним мы от краснополянинских не отстреливались... Все вокруг — ну кроме Поца — чужие. Никому верить нельзя. А тут вдруг младший брат позвонил. Самый младший, любимый. Леха. Средний, дед Егор, тоже любимый, но...

Короче! Лехе восемнадцати еще не было, как мы с отцом его в армию отправили. Молодой был пацан, горячий. В той же секции, что и я, самбо занимался. Не у шефа уже, конечно, у кого-то из наших пацанов. Ну и послал тренер мелких хачу в киоске о долге напомнить. Те и пошли. Почему нет? И я бы пошел. А хач попался... дерзкий. Ругаться стал матом. Брат с друзьями тоже за словом в карман не лезли. И кончились прения двумя переломами у хача и арестом Лехи.

Дерзкий барыга заявление писать не стал. Он же не кот какой-нибудь, у него же не девять жизней. И Леху по совести надо было бы отпустить, но протокол попал на стол начальника отдела по борьбе с бандитизмом, и тот тешил

хапнуть дополнительное лавэ с известной в узких кругах фамилии. Ну и хапнул, сука. Да еще многозначительно так намекнул, что дело пока в сейфе полежит. Мало ли, мол... Я пожал плечами и поехал к генералу ментовскому. Привет от дяди Вовы передать и в дом отдыха пригласить. И уже там, среди голозадых девок у бассейна и сосен, поинтересовался, почему жадного начальника никак не отправят за казенный счет на Северный Кавказ? Отдохнуть, развеяться и заодно навести там конституционный порядок? За что держите, мол, заслуженного человека в душном кабинете?

Дома с отцом, пусть земля ему пухом, посоветовались, и навестил я военного комиссара нашего района. Армия — школа жизни, вот и решили, что чем по стрелкам и разборкам за мной следом мотаться, пусть еще поучится. Так вот и получилось, что за два месяца до своего восемнадцатилетия отправился мой самый младший братишка в учебку.

Дальше — больше. Попал братишка в морскую погранслужбу. Прямо скажем — в хорошие руки попал. Прижился там, человеком стал. Два года оттрубил и на контракт остался. Потом — школа мичманов, женился. Медаль какую-то получил или орден... По заграницам поездил... Или поплавал? Или походил? Да не один ли фиг?

А тут позвонил со своего Сахалина, обрадовал. Какому-то «умному» в голову пришло, что не нужны больше российской армии и флоту прапорщики с мичманами. И пошел мой молодой еще братик на пенсию.

Ну и чего ему там, на далеком острове, делать было? Собрали они с Любкой детей — двое уже у Лехи пацанов росло, — шмотки в два баула закинули, да и прикатили. Отцова хата пустая стояла. Берег зачем-то. Все продать не решался. Вот и пригодилась.

Егор... ну средний наш брательник, не возражал. Они с женой и детьми чуть ли не в первом же построенном мной доме трешку полногабаритную получили. В дар, так сказать, на защиту диссертации. Средний в науку пошел. Какую-то физику земли изучал. Я не в теме, че там, а он

непонятно объяснял. Егорка вообще меня стеснялся. Я ведь долго говорить нормально не мог, все на «че-каво» срывался, а у него вокруг профессора с доцентами. В их банде не принято братьями хулиганами хвастаться.

Ирка Егоркина хоть и строгая женщина, экономистом в банке работала, а нашей компании не гнушалась. То одно, то другое для племянников просила. С Егорки-то какой добытчик? Он на науках своих только очки и сутулость заработал...

Короче, встретил я Леху по-людски. Тетки на стол снеди накидали, водка из морозилки — бутылка запотевшая, сели мы с братьями и стали разговаривать. О том, как нам теперь жить и куда старшего мичмана на работу пристроить. Одно за второе, третье за десятое, и так это все чудесно вышло, как я уже лет с двадцать не сидел. Дети скучковались, возле компьютера конечно. Жены о чем-то своем, о бабьем шептались. А мы с братанами. Вместе. Как в детстве. Родителей только за столом не хватало...

Ну и рассказал я о той наколке у алтайской бабы на руке и о нашей «экспедиции». Смехом так рассказал, с юмором. Только парни вдруг всерьез заинтересовались. И стали мы думать под водку с хрустящими груздочками, как можно было бы плиты те проклятые поднять и клад добыть. Егор даже бумагу затребовал и схемы рисовал, а мореман мой младший список — чего на раскопки взять нужно — составлял.

— Ты как, Андрюх? — скалясь, поинтересовался Леха. — На работе своей совсем завяз или можешь с братьями на отдых съездить? Я-то, походу, моря-окианы посмотрел и из пушки стрелять умею, а вот клад ни разу еще не видел. Уважь старого моряка, свози на то место! Потом уж совсем причаливать на Родине буду.

— И я бы с вами, — неожиданно решился Егорка. — Отпуск через неделю у меня. Ирина уже на дачу лыжи навострила. Да только че я, тех помидоров с морковкой не видел? Раз в жизни к тайне прикоснуться, наследие пред-

ков руками пощупать. А супругу мою ты вот, Андрюха, и уговоришь. Тебе она не откажет. Она тебя уважает...

— А ты? — вскинулся я. — Ты уважаешь?

— А я тебя люблю, старший, — хмыкнул Егор и обнял меня за плечи. — Давайте, братья, споем...

Через неделю целый караван из моего джипа, Егорова микроавтобуса и фургона «газельки» с припасами, шеле-стел шинами на юг, на Алтай.

Выехали рано, еще и семи не было. Не хотелось за-стрячь в пробках, потому еще накануне собрались все у меня дома. Загрузили машины, чтобы утром не бегать за-полошными курицами, не переживать, будто что-то забы-ли, не валить в багажники шмотье как попало.

Застали еще туман в низинах. В августе это верная при-мета — день будет жаркий. Он именно таким и оказался. Горячим, светлым, солнечным. Каким-то неожиданно зо-лотым. Радостным. Душа прямо-таки купалась в этих сверкающих лучах, трепыхалась, балансируя на тонкой грани между просто отличным настроением и полным, безграничным счастьем. Я в компании, о которой мог только мечтать, ехал к тайне. К приключениям, о которых грезил в детстве, зачитываясь «Копями царя Соломона» и «Островом сокровищ».

До Барнаула долетели часа за полтора. А ведь и не гна-ли особенно сильно. Приходилось подстраиваться под сравнительно более тихоходный грузовик. А после развяз-ки на Бийск и вовсе пропустили Мишку вперед. Мореман снова вооружился картами с какими-то одному ему понят-ными пометками. Так и ехали до самого конца — останав-ливались на заправку, перекус или ноги размять там, где Поц начинал мигать поворотниками. Притормаживали вслед за ним и разгонялись, если он решал, что это безо-пасно.

А еще, за Чемалом уже, на подъезде к деревеньке Елан-да, родине Васьки-пастуха, когда сын, всю дорогу сидев-ший, уткнувшись носом в планшет, заявил, что Интерне-та — то есть связи — больше нет, поймал себя на том, что

улыбаюсь. Что губы сами собой расплзлись в улыбке, и я ничего не могу с собой поделать.

После моста на черных камнях остановились. Последняя передышка перед рывком к цели, да и дети попросились в кустики. Хорошо, у нас у всех пацаны. Шпана наша в тальниковые заросли вроде как по делу отправилась, а и там то ли жучка какого-то надыбали, то ли паучка. Хорошо, порода наша такая — не родятся у нас девки, а то писков бы было, визгов. А пацаны в восторге!

Но дело конечно же не в малышне. Микроавтобус, Егоркина Toyota Estima Emina, у нашего шкипера вызывал опасения. Так-то вроде машина высокая, четыре ВД опять же. Но рядом с «геленом» или, того пуще, «газелькой» смотрелась слишком городской. Миха-то помнил, как на «чирке» тут по мокрым окатышам выруливал, теперь перестраховывался.

— Слышь, Егор, — до последней минуты поучал Поц. — Ты если сам почувешь, что брюхом можешь царапнуться или еще какой кипешь, ты понты тут не колоти. Понял?! Ты тихонько к обочине и жди. Я вернусь, и все рамсы по-любому разрулим.

— Я понял, Миша, понял, — засмутился брат. Не так этого дворового прибалтненного сленга, как зыркающей Ирки. Не мог же он при своей супруге показать себя беспомощным водителем.

— Все! По коням, бандиты, — крикнул я, поспешив на помощь среднему. — Миха — вперед. Потом Егор. Я замыкаю.

Да, больше шума. Что нам какие-то жалкие пять или шесть километров по обычной, прилично наезженной грунтовке, если мы уже шесть сотен верст на одометры успели с утра намотать?!

Все было другое. День другой, свет и изумрудные горы. Двадцать лет назад я не заметил, какого в Катуня удивительного цвета вода. Теперь вот любовался. И золотыми соснами, охраняющими бурный поток, и золотистыми пляжами, и цветущими террасами. Алтай другой. То ли

предстал вдруг передо мной в полный рост — вот, мол, какой я. То ли и правда изменился за прошедшие годы. Научился, бляха от ремня, себя этак вот рекламировать.

И еще, что сразу в глаза бросилось, — теперь по берегам Катуня стало гораздо больше людей. Лагерь, лагерь и за мысом еще один. Разноцветные импортные палатки. Костры, мангалы и запах готовящегося шашлыка. Подумалось еще, что ох как не зря тащили с собой огромный брезентовый шатер и алюминиевые трубы к нему. Егор сразу предложил поставить прямо над местом раскопок и ковыряться уже внутри. Как знал, что тут теперь таклюдно. А нам лишние свидетели не нужны.

Сусанин не подвел, вывел караван четко к тому же месту, где прошлый раз мы сосиски жарили. Теперь-то для лагеря места маловато будет, вон нас сколько. Но ложбинка между кустарником и крутым подъемом на террасу с «крестом» удобная. Самое то, чтоб машины поставить и тенты натянуть.

Время к обеду. По дороге останавливались, перекусывали. Вроде как второй, поздний завтрак, но в животе ощутимо камни ворочались. Булькали там, падлы, издевались. И если бы в тот момент, когда машины встали и моторы заглохли, допустили бардак и разгильдяйство, то обедали бы мы в полной темноте.

— Стоять! — гаркнул я, поймав момент, когда пацанва покинула опостылевшие сиденья и порскнула по сторонам, на разведку. — Лех, организуй молодежь. Дрова, лагерь, разгрузка.

— Принято, — кивнул старший мичман и отправился «строить» молодую шпану, а я снова который уже раз засмотрелся на походку своего младшего брата. Как там его Поц назвал, когда первый раз увидел? «Сундук»? Что-то в этом есть. Мы с Егором костью в отца — худые и жилистые. А Леха, видно, в материнскую линию пошел, могучие широченные плечи и бычья шея. Шагает словно по качающейся палубе и в руках этот самый сундук несет.

Посмотрел, хмыкнул от мысли, что могли лебедку с домкратами-двухтонками и не тащить — этот бугай, поди, камни и руками вывернуть может, — и пошел организовывать установку шатров и палаток.

— Мы не в армии, пацаны, — долетел снизу басок мичмана. — У нас дедовщины нет. У нас отцовщина. Значит, отцы говорят — вы делаете. Это понятно?

— Чего так далеко от реки? Ни посуду помыть, ни искупаться, — это Лехина Люба с претензиями. Так-то она женщина неприхотливая, привычная к походной жизни. Сколько они гарнизонов с мичманом своим сменили — пальцев на руках не хватит. Только путает маленько свой родной Сахалин с Сибирью. В Катунь вода градусов девять. Рука за минуту синееет, куда уж там купаться. Да и течение дикое, испугаться не успеешь, а уже в Оби окажешься.

А вот насчет посуды — это она зря. Это мы предусмотрели. Натаха моя наказала, когда обсуждали поездку, воду с собой взять. Ну и взяли. В фургон погрузчиком сунули кубовый пластиковый танк, а в Чемале и водой его залили. Маленько перегруз получился, но Поц — пилот опытный, довез и машину не убил. А кончится живительная влага в «канистре», Миха еще раз в поселок сгоняет. Газель кабиной к выезду поставили, чтоб удобно выезжать было.

— Где кухня будет? Куда продукты стаскивать? Костер где будем жечь? — Ирка более прагматична. Егор у нее гм... житейский лох. Приходится бабе как-то все самой решать. А тут нашелся, на кого можно свалить. Весь, по ее понятиям, такой из себя крутой и правильный. А я че? Я ниче. Старший, и от ответственности не бегу. Командир, бляха от ремня.

И про костер она правильно спросила. Это важно. Чтоб на палатки искры не летели и сажай рисунки на скалах не испачкало. Неправильно это. Люди трудились, высекали своих оленей. Может, чувак, что тут творил, по тем временам за какого-нибудь Рембрандта почитался. А тут мы со своими кострами, площадками-поварешками.

ОГЛАВЛЕНИЕ

<i>Пролог</i>	5
<i>Глава 1.</i> Возвращение к Андреевскому кресту	21
<i>Глава 2.</i> За радугой	52
<i>Глава 3.</i> Фазенда	81
<i>Глава 4.</i> Острог	116
<i>Глава 5.</i> Спасение рядового Мундусова	143
<i>Глава 6.</i> О больших любителях кататься на санках	173
<i>Глава 7.</i> Вода	204
<i>Глава 8.</i> Отпуск в феврале	234
<i>Глава 9.</i> Противоправные действия	258
<i>Глава 10.</i> Равноденствие	287
<i>Эпилог</i>	300